

АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН: ОТ ТРИУМФА ДО НЕНУЖНОСТИ

НОБЕЛЕВСКОМУ ЛАУРЕАТУ В ЭТОМ ГОДУ ИСПОЛНИТСЯ 80 ЛЕТ. ПОМНЯТ ЛИ ОБ ЭТОМ ЕГО СООТЕЧЕСТВЕННИКИ?

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

27 мая 1994 года, в аэропорту города Магадан на Колыме приземлился рейсовый самолет компании "Аляска Эйрлайн". Из салона машины вышел и спустился по трапу Александр Солженицын. После изгнания он вновь вступил на российскую землю, и место встречи с Родиной не было случайным. Двадцатилетняя ссылка была наказанием за издание на Западе его главной книги — "Архипелаг ГУЛАГ". Но именно Колыма была самым крупным и знаменитым островом этой удивительной страны — ГУЛАГ, которую населял когда-то многомиллионный народ эзков.

Сообщение о возвращении Солженицына в Россию стало главной новостью для многих стран мира. Но лишь немногие из российских писателей и публицистов встретили это известие с воодушевлением.

"Я против возвращения Солженицына в Россию, — заявил Юрий Нагибин. — Этот приезд и ему и всем нам сорвет нервную систему. То, что делает сейчас Солженицын, мне неприятно. Человеку, создавшему двадцать томов, кажется, что он обаял всю Россию, ее прошлое, настоящее и будущее. Это все чушь! Тут и без него немало умных людей".

Наиболее грубой оказалась статья некоего Григория Амелина "Жить не по Солженицыну" в "Независимой газете". "С голливудской бородой и начищенной до немыслимого блеска совестью, он является в Россию, как Первомай и как он же, безбожно устаревший. А кому он, в сущности, нужен? Да никому! Нафталину ему, нафталину! И на покой".

КАК ОБУСТРОИТЬ РОССИЮ?

Девяностый год был богат на разного рода предложения и проекты радикального обустройства СССР и России. Свои проекты были у Горбачева и у Рыжкова, у Ельцина и у Полоскова. Наиболее перспективным для многих казался тогда проект "500 дней", подготовленный группой Шаталова — Явлинского. Как раз в разгар обсуждения этого проекта в Верховном Совете СССР Солженицын закончил и переслал в Москву брошюру с претензионным заголовком — "Как нам обустроить Россию?" и скромным подзаголовком "Посильные соображения". Эта брошюра была опубликована как приложение к двум популярным газетам тиражом в тридцать миллионов экземпляров.

Нет нужды разбирать сегодня все предложения писателя, которых в небольшой брошюре я на-

считал более двухсот. Многие из критических высказываний Солженицына были справедливы, а к немалому числу его советов следовало прислушаться. Трудно было, однако, принять сам тон его критики — грубой, предельно резкой, размашистой, полной преувеличений.

Солженицын сетовал позднее, что его голос не был услышан и что его брошюра была прочитана неверно. Это не так. Брошюра Солженицына была прочитана внимательно, но ее практически никто не поддержал.

Тем не менее возвратившегося в Россию Солженицына везде принимали хорошо и слушали внимательно. Аудитории, в которых он выступал на пути из Владивостока в Москву, всегда были переполнены.

Хотя Солженицын отказывался считать себя политиком, уже по итогам мая 1994 года он занял место в списке ста наиболее влиятельных политиков России. В июле он находился в этом списке на двенадцатом месте.

В четверг, 21 июля 1994 года вечером Солженицын прибыл в Москву. Вокзал был оцеплен милицией, с вокзальной площади удалили сотни бомжей и убрали даже торговые палатки. Встречать писателя прибыли мэр Москвы Юрий Лужков, бывший посол в США Владимир Лукин, писатели Сергей Залыгин и Юрий Карякин. Солженицын произнес короткую, но сильную речь, бросая в толпу чеканные и точные фразы: "Россия сегодня в большой, тяжелой, многосторонней беде, и стон стоит повсюду. Народ у нас сейчас хозяин своей судьбы, и мы не можем говорить о демократии. Демократия — это не игра политических партий, а народ — не материал для избирательных кампаний. Врачи и педагоги работают по инерции долга, и это не может продолжаться вечно. Прорастает удав преступности, который грозит скоро задушить все общество".

Это была лучшая речь писателя за все три года его пребывания в России. Но ни в одной из газет она не была опубликована полностью. Даже то, что я написал выше, я сконструировал из отдельных фраз, процитированных добрым десятком газет — от "Комсомольской правды" до "Советской России".

НЕТ ПРОРОКА В СВОЕМ ОТЕЧЕСТВЕ

На одном из заседаний Государственной Думы Станислав Говорухин и Владимир Лукин предложили пригласить Солженицына для выступления. Солженицын прибыл в Думу перед самым выступлением и вошел в зал в окружении десятков журналистов. В зале пустовала половина депутатских кресел.

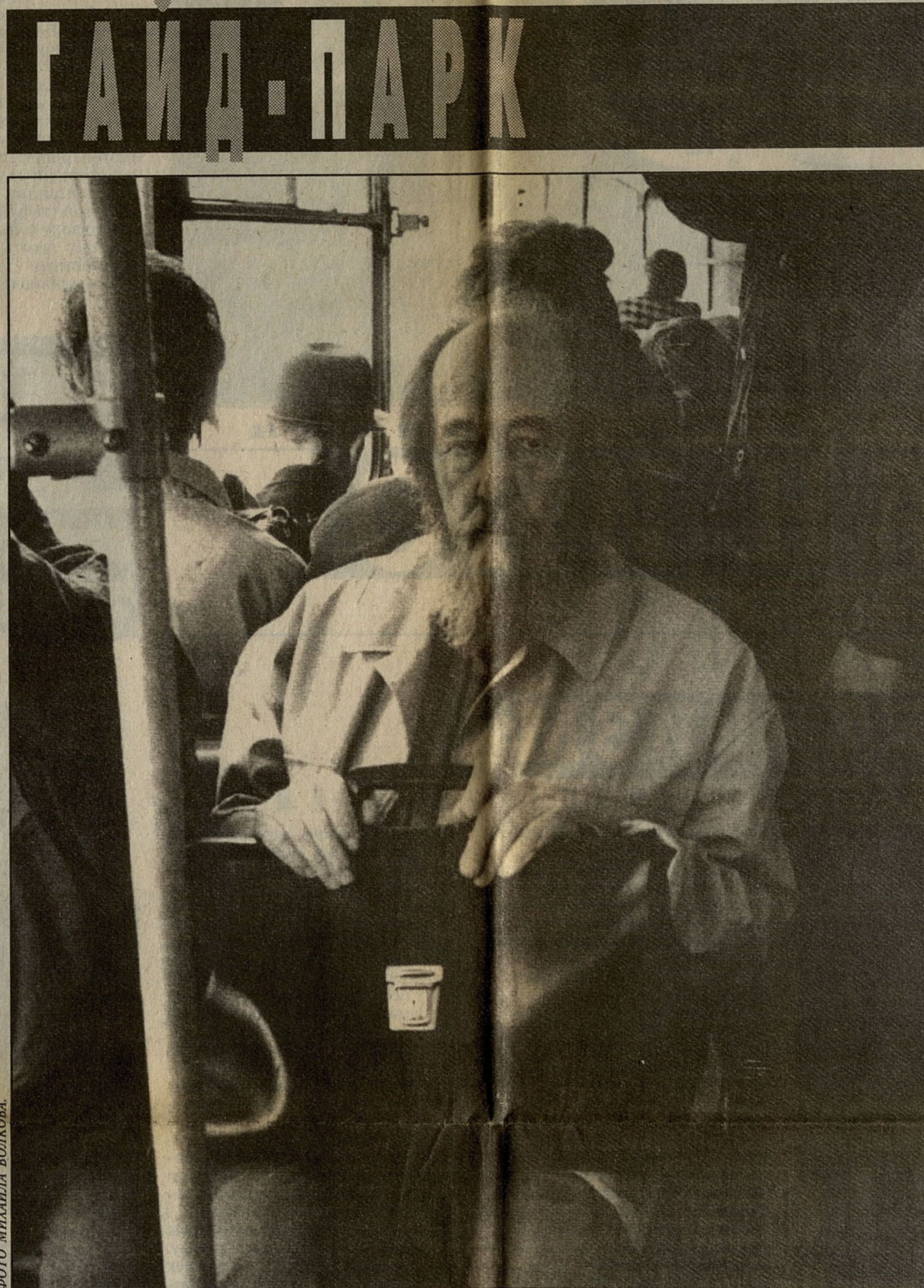

ФОТО МИХАИЛА ВОЛКОВА

26 августа 1994 года около 4 часов дня Александр Исаевич перебежал Пушкинскую площадь и, едва не угодив под машину, успел вскочить в троллейбус 15-го маршрута. Сел, поставил портфельчик на колени и оказался аккурат напротив нашего корреспондента Михаила Волкова. Миша — не будь дурак — сразу за фотокамеру. Находчивость репортера была по достоинству оценена на редакционной летучке. А вот хождение классика в народ осталось без последствий.

Не пришли депутаты из Правительств, а Егор Гайдар демонстративно вошел в зал через полчаса после начала выступления.

Писатель тщательно подготовился к выступлению и говорил напористо и вдохновенно. Его речь была интересной и содержательной. Но отклика в зале почти не было, лишь иногда раздавались жидкие аплодисменты. Солженицын не задал ни одного вопроса — ни устно, ни письменно.

Вскоре последовали телевизионные выступления Солженицына. Темы этих выступлений менялись, но менялся и тон писателя: он становился все более назидательным. При этом Солженицын весьма уверенно говорил и о таких проблемах, о которых имел лишь самое приблизительное представление. Он делал множество предложений, но было неясно, кто и как должен их осуществлять. Передачи становились все более неинтересными, и их перестали комментировать в печати. Анализ зрительских интересов показывал, что российский зритель утратил в октябре-ноябре 1994 года интерес к выступлениям Солженицына.

Неудачные выступления на телевидении привели к снижению общего политического рейтинга писателя. С почетного двенадцатого места он переместился в конце 1994 года на восьмидесят шестое, а в начале 1995 года и вовсе был исключен из списка ста ведущих политиков России.

С весны 1995 года передачи Солженицына уже никто не комментировал и почти никто не смотрел. Даже я пропустил многие из них. Осенью не выдержала самая лояльная к писателю газета "Известия". В номере от 20 сентября Константин Кедров писал: "Мы слушаем сегодня Александра Исаевича в лучшее телевизионное время и понять не можем, тот ли перед нами писатель. Говорю это не в упрек, потому что гений не всегда гений. Вдохновение, как любовь, проходит. Тогда-то и на-

чинается "суета и томление духа". Дело даже не в том, что Солженицын повторяет зады Жириновского и Зюганова. Парадокс в том, что у Солженицына те же тезисы выглядят невзрачнее и бездарнее. Больше года мы были зрителями политического театра Солженицына. Сейчас совершенно ясно, что новая пьеса не удалась".

Подобные отклики позволили руководству ОРТ прекратить выступления Солженицына, расписанные уже на два-три месяца вперед.

Не слишком приветливо встретил Солженицына и писательский мир России. "Я очень удручен последними выступлениями писателя, которого я чтил, — говорил Василий Аксенов. — Эта тяжелая поступь пророка, из-под каждого шага которого должно вылетать артезианский ключ живительных соков для России, это поливание грязью деятелей реформы, которые его принимают, — это все бестактно, без вкуса и для меня поразительно". "Я отрицательно отношусь к таким заявлениям Солженицына, что "Россия погублена, — заметил Григорий Бакланов. — Человек не был в России двадцать лет, а теперь приехал и все ругает. Ругать легко, помочь трудно".

Еще до возвращения в Россию Солженицын говорил, что не рассчитывает на всеобщую поддержку в стране. Но вряд ли он ожидал, что результат его активной общественной деятельности окажется столь незначительным.

КРАСНОЕ КОЛЕСО

Обустроившись в Москве, Солженицын взял в свои руки издание своих сочинений. Он написал и опубликовал также около десятка новых рассказов и статей. Все их можно прочитать в "Новом мире". Сразу должен отметить, что новые рассказы Солженицына не привлекали внимания ни публики, ни литературной критики. Темы этих рассказов различны — от эпизодов гражданской войны, 30-х

годов, жизни эзков и писателей до изломов современной действительности. Их, однако, невозможно сравнить с рассказами Солженицына начала 60-х годов. Писатель был разочарован молчалимостью критики и прессы, он говорил что-то о незначительных тиражах "Нового мира". Но дело было не в тиражах, а в явной литературной слабости рассказов и статей. Лично меня поразили в рассказах великого писателя непонятные и невразумительные слова и сочетания слов: "лицоочертание с нахмуркой", "оперные локти", "разговор напроломину", "дрожно ненавидел", "выпрямка", "ожестелый", "втянуть" и т. п. Для меня эти "нахмурка" и "прямошина" не намного лучше "презентации" или "инаугурации". Рассказы читались не с интересом, а с трудом.

Одно из ярославских издательств опубликовало в трех томах публицистику Солженицына, но тиражом лишь в десять тысяч экземпляров. Издательство военной литературы выпустило восемь томов "Красного колеса" и получило право на двадцатичетырехтомное собрание сочинений писателя, наиболее полное из всех, что издавалось до сих пор во Франции (Париж) и в СССР. Но подписка на это собрание сочинений шла до сих пор очень вяло. Тома этой эпопеи раскупались плохо, и проводить дотечку тиража издательство не стало. Многие из писателей были, по моему, даже рады неудачам Солженицына и торопились высказаться на этот счет.

Б. Сарнов: "Оскудение художественного дара. Уныло, убого, скудно. Искусственные неживые персонажи".

Л. Аннинский: "Колесо" увязло в глине исторического материала".

В. Кардин: "Идеологическая пристрастность взяла верх над художником".

В. Максимов: "Сокрушительная неудача. Вместо живых характеров — холодящие концепции".

Ю. Нагибин: "Затемнение громадного ума. Крушение великого писателя".

Многие из подобных отзывов явно тенденциозны и поспешны, хотя неудача эпопеи очевидна. Сам Солженицын говорил в интервью, что его "Красное колесо" еще найдется в будущем своих читателей, что нынешняя российская публика слишком нетерпелива, она хочет, чтобы книги были покороче и только о современной жизни. Это не совсем так. Среди читателей больших городов популярны и многотомные сочинения по истории России, а десятки миллионов граждан страны с большим интересом смотрят многосерийные "Петербургские тайны". Можно интерпретировать над популярностью книг Пикюля или Разинского, но нельзя отрицать той простой ис-

тины, что художественное произведение должно обладать хотя бы минимумом занимательности.

Романы же Солженицына ничто лишены занимательности, и требуется немалое напряжение, чтобы продолжить их чтение.

При чтении "Красного колеса" я не мог избавиться от впечатления, что это произведение является просто незаконченным. Но отнюдь не в том смысле, что писатель не смог довести свое перо до намеченного 1922 года или даже до Октябрьской революции. Книги не завершены с чисто писательской точки зрения. Мы имеем дело со вторым или третьим черновиком эпопеи. Один из величайших скульпторов на вопрос, как он создает столь совершенные произведения, ответил: "Я беру кусок гранита и убираю все лишнее". Начав работу над "Красным колесом", Солженицын заготовил громадные куски гранита, но не успел убрать все лишнее.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Весь минувший и нынешний год Александр Исаевич вел активную общественную деятельность, написал несколько статей, опубликовал пару-тройку рассказов, протестовал против строительства скоростной магистрали "Москва — Петербург" и т. п., но все это осталось почти незамеченным широкой общественностью. Заметный резонанс получили, пожалуй, лишь 2 события — избрание Солженицына академиком РАН и учреждение им своей — именной, размером в 25 тыс. долларов — солженицынской премии. Звания академика Солженицын был удостоен за создание "Словаря языкового расширения русского языка". Однако вряд ли кто-нибудь из писателей воспользуется этим словом, введенным в оборот (а правильное сказать — придуманных Солженицыным), бессмертным останется, наверное, лишь словосочетание "Архипелаг ГУЛАГ".

Если подводить "промежуточные итоги", то, пожалуй, следует сказать, что Солженицын сделал не все, о чем он мечтал и что хотел сделать. Но он сделал все же бесконечно много для всех нас. Никто из писателей последних десятилетий не оказал такого большого влияния на жизнь и общественную атмосферу нашей страны, как Солженицын. Он не стал великим политиком, не вошел в число самых великих писателей и самых выдающихся личностей XX столетия. Неудачи и противоречия Солженицына во многом отражают противоречия и неудачи самого уходящего столетия, которое все же продвинуло нас далеко вперед, умножив и опасность, и надежды.

ВОПРОС ПО ТЕЛЕФОНУ

НА ВОЗВРАЩЕНИЕ СОЛЖЕНИЦЫНА МНОГИЕ ВОЗЛАГАЛИ БОЛЬШИЕ НАДЕЖДЫ. ОПРАВДАЛИСЬ ЛИ ОНИ?

ЮРИЙ БОРЕВ, писатель:

— Вклад Солженицына в культуру и в политическую ситуацию был сделан прежде всего его творчеством. Но возлагать надежды на приезд мессии, на то, что он может как-то повлиять на положение дел в России, было бы неверно. Его авторитет и сейчас остается очень весомым и существенным. Но опять же ожидать, что он сможет что-то исправить, перевернуть, едва ли возможно.

ПАВЕЛ БУНИЧ, экономист, депутат Госдумы:

— Возвращение Солженицына было, конечно, не рядовым событием. И тот телевизионный цикл, что он создал, оправдывал эти надежды. Но затем воздействие Солженицына стало ощущаться все слабее и слабее. Да и прислушиваться к нему перестали. Дальнейшая же политическая и любая другая роль Солженицына зависит только от него самого. У него же очень сильный характер.

АЛЛА ГЕРБЕР, публицист:

— Когда возвращался Солженицын, мы надеялись, что он в известной степени заменит Андрея Дмитриевича Сахарова, станет активным защитником прав человека, станет совестью народа. И он не просто может — он должен это делать. Люди видят в нем нового Льва Толстого, который должен наперекор всему говорить правду и нести ее в мир.

ВЛАДИМИР ЕРЕМЕНКО, главный редактор газеты "Литературная Россия":

— Признаться, у меня и моего окружения особенных надежд в связи с возвращением Солженицына не было. Да, многие ждали его как пророка. Но тщетно этого было ждать от человека, так давно оторванного от родины, от нашей действительности. К чести своей, он достаточно быстро разобрался в сущности происходящего. Солженицын не стал в России заниматься политикой, но он занимается очень полезной общественной деятельностью — он организовал фонд, учредил премию, он поддерживает издание книг в провинции.

КИРИЛЛ КОВАЛЬДИЖИ, писатель, главный редактор издательства "Московский рабочий":

— Солженицын — это одна из крупнейших фигур русской литературы XX века. Но, нам казалось, он займет более видное место в общественной жизни России. Но и без того его вклад очень велик.

ВЛАДИМИР КРУПИН, писатель:

— Конечно, мы ждали от него большего противостояния теперешним властям, более страшным для России, нежели было брежневское политбюро. Но, видимо, слишком велики обиды Александра Исаевича на ушедших в небытие обидчиков, если он все еще продолжает сводить с ними счеты. Будущее Солженицына, как и будущее любого писателя, — это его будущее читатели. И он будет жить, пока его будут читать. А будут ли? — на этот вопрос ответить я не могу.

АЛЕКСАНДР ПРОХАНОВ, главный редактор газеты "Завтра":

— Наша страна довольно давно уже разделена на две части. Та часть, что вызывала Солженицына сюда из эмиграции, в результате была разочарована. А патристическая часть ожидала, что Солженицын покается. Ведь в том, что случилось с великой страной, есть и доля вины так называемых диссидентов, к которым относился и Солженицын. И, естественно, по возвращении он не был воспринят как духовный лидер. Он не заменил покойного Иоанна, митрополита Санкт-Петербургского. Думается, и в дальнейшем роль Солженицына будет только угасать.

АЛЕКСАНДР БОРЩАГОВСКИЙ, писатель:

— Едва ли сколько-нибудь глубокомыслящий человек мог всерьез надеяться, что приезд Солженицына повлияет на нашу действительность. Он только человек! Но он человек неспокойный, яростный, вечно призывающий к правде, к великой правде существования людей. Жить не по лжи! И он благодаря своим книгам, своему творчеству нашему суду неподсуден.

ВОПРОСЫ НА УЛИЦЕ

ЧТО ВЫ ЗНАЕТЕ О СОЛЖЕНИЦЫНЕ?

СКОЛЬКО ЕМУ ЛЕТ?

ЧИТАЛИ ЛИ ВЫ ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ?

КАКИЕ?

ЕЛЕНА ПОТЕХИНА, студентка:

1. Знаю, что это наш писатель-эмигрант. Он писал негодные для власти романы и его выгнали из страны. Живет по-моему в США. 2. Лет 55, наверное. 3. С подачи учительницы литературы читала "Раковый корпус". Понравилось.

МАРИНА КУЗНЕЦОВА, преподаватель английского:

1. Что-то слышала. Кажется, он писатель. 2. Понятия не имею. 3. Ничего не читала. Не до этого.

ДМИТРИЙ ШИШКИН, рабочий:

1. Это наш великий писатель. Он воевал, потом был арестован и отправлен в лагерь. После этого написал "Один день Ивана Денисовича". Когда во время хрущевской "оттепели" роман опубликовали, начался скандал и Солженицына лишили гражданства. Он жил в США, кажется, в штате Вермонт. Год три назад вернулся. У него взрослые сыновья. 2. Точно не помню, но если посчитать, то где-то под восемьдесят. 3. "Один день Ивана Денисовича", "Архипелаг ГУЛАГ". После перестройки читал в толстых журналах романы из цикла "Красное колесо".

АЛЕКСЕЙ ТРОФИМЕНКО, предприниматель:

1. Русский писатель и, на мой взгляд, несостоявшийся общественный деятель и политик. Когда его произведения были под запретом, их читали подпольно. В то время это было откровением о сталинских лагерях. Сейчас я думаю, что это, скорее, публицистика, чем настоящая хорошая литература. По-моему, сегодня молодежь его не читает. 2. Если он воевал и был офицером, то по идее около 80. 3. "Раковый корпус", местами "Архипелаг Гулаг", местами "Красное колесо".

АЛЕКСАНДР НИКУЛИН, специалист по рекламе:

1. В советское время Солженицын был моим кумиром. Особенно его исследования по истории России начала века. "Красное колесо" я воспринимаю, прежде всего, как гигантский труд ученого-историка. Сейчас я воспринимаю его спокойно; по-моему, его беда в том, что он слишком долго жил прошлым и слабо понимает проблемы сегодняшней России. Раньше был "вермонтский отшельник", сейчас "рянский". 2. Лет 70-80. Может и больше. 3. "Красное колесо", "Один день...", "Раковый корпус", "Архипелаг Гулаг" и другие. Много исторического, фактического материала, но как литературные произведения это абсолютно... неудовлетворительно. А вообще, его положение трагично. По-моему, сейчас его мнение никого не интересует!